

• М Е М У А Р И Т А Щ О Д Е Н Н И К И •

АЛЕКСЕЙ БОБРОВНИКОВ

СЕРАЯ ЗОНА

Начало

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

Харьков
«Фолио»
2023

Предисловие

«Возвращайся поскорей, — сказал мне Георгий Гонгадзе с присущими ему восторженными нотками в голосе. — Тут сейчас такое начнется!». Стоял сентябрь 2000 года. Я улетаю из Киева в Торонто в тот самый уик-энд, когда Георгий исчез.

В том же году Гонгадзе основал «Украинскую правду». Я поддержал его в этом проекте. Впервые мы встретились несколькими годами ранее, подружившись на эфирах его шоу на «Радио Континент», круглосуточных репортерских бдениях в Центральной избирательной комиссии во время президентских выборов 1999 года, когда Леонид Кучма обошел своего компартийного конкурента в предвыборной драме «красные не пройдут», слизанной, казалось, с того же сценария, что привел к власти Бориса Ельцина тремя годами ранее.

Мы встречались с Георгием в офисах «УП» — сначала на Лютеранской, затем на Владимирской; там, где улица образует спуск, уходя резко вниз, в направлении Саксаганского. Глядя из окна одного из верхних этажей, Гонгадзе указывал мне рукой в направлении машины с наружкой, припаркованной уздания и фиксировавшей его передвижения.

Новостные сайты в Украине тогда лишь начали зарождаться, и уже было понятно, что интернет — это дорога в будущее. Георгий был наделен харизмой и драйвом. У него была собственная команда и сеть контактов: так он и создал собственный сайт.

Особенным предметом его гордости был мгновенно узнаваемый газетный бренд «Правда» и символ-талисман нового проекта: адаптация литографии Пикассо «Дон Кихот» (правда, без Санчо). Я не сразу раскусил его идею, и тогда Георгий принялся объяснять мне главную подноготную дон-кихотовской миссии борьбы с «ветряными мельницами». В версии Гонгадзе Дон Кихот был бойким тролем, нещадно атаковавшим оппонентов, и невозможным мечтателем: «мы знаем, кто мы есть, а они... Они всего лишь ветряные мельницы». Эта антииллюзия и стала фатальной: «ветряки» оказались на поверку реальными монстрами, принадлежащими к мощнейшему криминальному миру, который уже вынес Георгию приговор. Этих монстров вы встретите в «серых зонах» на страницах и этой книги.

Известия об исчезновении Гонгадзе пришли за ночь до того, как я садился в самолет, чтобы лететь в Торонто, и всего лишь спустя два дня после нашего последнего разговора: «Тут сейчас такое начнется!»

И началось.

Последний телефонный звонок создателя УП всплыл в памяти, когда я прочитал на этих страницах о последнем диалоге Андрея «Эндрю» Галущенко с его дочерью; разговоре, случившемся незадолго до расправы с ним. Тогда тоже был сентябрь, четырнадцатью годами спустя после гибели Гонгадзе. Как и Гонгадзе, Галущенко перед собственной смертью был полон оптимизма, веря в скорый успех своего идеалистического квеста. Как и Гонгадзе, Галущенко был убит «оборотнями»: людьми, имитирующими служение украинской державе, но в реальности находящимися на услужении мессиров «серой зоны». Как и Гонгадзе, Галущенко стал сперва пешкой, а затем жертвой в чужой игре. Так же, как и правда о смерти Гонгадзе, история гибели Галущенко скрыта под покровом тайны, еще более непроницаемым после серии последовавших за ней смертей и расправ. Книга проливает свет на эту темную зону, отвечая на вопросы, на которые украинское государство, к своему стыду, не может или не хочет дать ответа.

Андрей Галущенко во многом персонифицирует украинский «Майдан» образца 2014 года. Будучи успешным предпринимателем-технарем, он вышел на гражданский протест, став замкомандира третьей сотни народной самообороны, призвался на фронт, проявив себя компетентным и талантливым разведчиком, стал затем командиром сводной мобильной группы, нацеленной на благородную миссию борьбы с контрабандой и коррупцией во фронтовой зоне. Но «серая зона» нанесла удар в ответ, унеся эту жизнь, как и 14 тысяч других жизней, которых стоила пост-Майданной Украине война за свою свободу.

«Евромайдан» не был лишь манифестацией геополитического выбора, высокой цивилизационной планки. Он был актом самоочищения страны, структуры которой проржавели от засилья красных командиров и чекистов, встроившихся в ряды армии и спецслужб и являвших и являющих поныне угрозу не только достоинству, но и самой национальной безопасности страны. Эта часть миссии остается невыполненной, и бесстыдные убийства, описанные в книге, — в числе побед, одержанных над Майданом пресловутой «серой зоной».

Если Гонгадзе открыл для меня Сервантеса, то Алексей Бобровников открыл мне мелвилловского «Моби Дика». Мой десятилетний сын довершил начатое. Я как раз заканчивал перевод нескольких глав из «Серой зоны», где автор ввел в повествование образ палубы корабля «Пекод», с которой капитан Ахав в его «мономаниакальной» погоне за Белым китом прокладывает свой курс. «Моби Дик» — любимая англоязычная книга автора, и те, кто знаком с ее структурой и ритмом, найдут на этих страницах сходство с нею.

Метафора великого американского романа объясняет одержимость автора уже этого тома решением загадки трех убийств, случившихся в разгар

его собственного журналистского расследования контрабандных операций в зоне военных действий. Вынужденный бежать из Украины, Бобровников продолжает погоню за китом-убийцей, находясь в изгнании, а эта книга — тот самый кульминационный спуск на воду китобойной шлюпки, полной гарпунов и моряков, дышащих в хвост гигантскому киту.

Бывали в прошлом и другие такие охоты или, точнее, выходы в море с похожей задачей, потому что исследовательские репортажи, подготовленные к трансляции, и раньше уже снимались с эфира, написанные статьи снимались с печати или цензурировались. Но именно гарпун, который вы держите сейчас в руках, — крупнейший в этой лодке. Хватит ли его длины и сил самого автора, чтобы поразить цель, монстра, плавающего в серых водах, — это нам и предстоит узнать.

Пока я работал над переводом, мое чадо принесло домой «Моби Дика» из школьной библиотеки. Это была сокращенная и иллюстрированная версия, адаптированная для школьного возраста. Мой ребенок проглотил ее за раз. Я же, пролистав книгу, предложил прочесть ему первую главу оригинального текста. Так у нас дома началась собственная, длиной в половину пандемии, одиссея на борту корабля «Пекод»*.

Начав читать оригинал, я обнаружил погрешность в собственном переводе с бобровниковского русского на мелвилловский английский. В оригинале, сохраняя равновесие на капитанском мостике, Ахав вставляет свою костяную ногу в специально просверленные в досках пазы, а не в случайно протоптанные кончиком костяного протеза зазоры между палубными досками, как я подумал вначале. Это мелкая деталь, но я был признателен Богу за тот невольный факт-чекинг.

Читателю это покажется пустяком, но значимость такой детали для журналиста и переводчика нельзя переоценить. Ведь в нашей реальности все больше ссыхаются, уменьшаются в размерах ньюсрумы, услуги фактчекеров и прюффридеров становятся роскошью, и эти обязанности редакционное начальство взваливает на плечи самих журналистов. Все это спровоцировало совершенно новый страх: страх увидеть собственный труд опубликованным с ошибками и опечатками, которых легко можно было бы избежать, будь к твоим услугам свежая пара глаз.

Наверное, это лучшая услуга, что может один журналист оказать другому: быть этой самой парой глаз, дружеским редактором-фактчекером, подтверждающим репортажную точность и анализ своего коллеги.

* Книга могла бы быть названа расистской по современным стандартам, даже приравнена к пропаганде «белого превосходства». Когда мы прочитали главу «The Whiteness of the Whale» (Белесость кита), у нас возникла дискуссия о том, как изменились люди с 1851 года и почему абзацы о «дикарях» не могли бы быть написаны в современной Канаде. И еще о том, как контекст часто определяет сам смысл!

В деле об убийстве Андрея Галущенко мои возможности фактчекера были ограничены другим континентом, но когда в 2017 году «Игры Непокоренных» (Invictus Games) привезли в Торонто небольшую армию атлетов-ветеранов, у меня появился шанс повидать тогдашнего украинского топ-полицейского Арсена Авакова. Это случилось во время презентации его собственной книги о волонтерских батальонах на восточнoукраинском фронте с Россией. Когда мы встретились впервые, разговор получился непринужденным, будто мы были знакомы годами. Когда контакт был налажен, я спросил у него о расследовании дела об убийстве Андрея Галущенко. Министр ответил, что полиция сделала все, что было в ее силах, а расследование застряло в СБУ. Добавил, что «не хорошо» обстоят с ним дела. Это было все, что он сказал, и тогда я заметил, что канадские журналисты следят за этим кейсом очень внимательно. В те же дни в Торонто находился и президент Петр Порошенко. Ох, как бы хотелось спросить его об этом деле, даже если только лишь с целью напомнить, что история «ще не вмерла».

Я расспрашивал тогда ветеранов, соревновавшихся в играх, но никто больше не проронил ни слова. Один пожал плечами, другой лишь кивнул головой и замолчал, будто отгоняя этим молчанием сам вопрос, портивший обстановку праздника. Возникло ощущение, что вопрос вызывал настороженность и напряжение, особенно же деморализующе он звучал из уст иностранного журналиста, пусть и говорящего по-украински с канадским акцентом, но все же иностранца. Деморализующий аспект этой истории еще и в том, что она — об убийстве «своих своими» в войне, где единственной мишенью для этих «своих» должны были бы быть оккупационные российские редуты. Дальше же все еще хуже: Галущенко был не единственной жертвой атак 2-го и 3-го сентября 2015 года, улики на месте убийств уничтожались намеренно, а официальное расследование зашло в тупик. Я не спросил членов семьи Андрея, рады ли они тому факту, что украинская Служба безопасности назвала студенческий курс в госинституте, исследующем кибер-безопасность, именем Галущенко. Впрочем, спустя шесть лет после гибели ее отца дочь Анастасия хочет докопаться до сути в этой истории. Разговор с ней — еще один элемент фактчекинга, который я смог осуществить*.

Потом была моя собственная работа над документальным фильмом об эпизоде, не связанном напрямую с этой книгой, — истории о сбитом рейсе PS 752. Работа над тем материалом** дала еще одно подтверждение, некий мета-фактчекинг главного урока, который преподает эта книга. Я не буду раскры-

* Мой разговор с Анастасией Галущенко состоялся в июне 2021 года.

** “Exclusive: W5 finds more than 2K civilians killed in airplane shootdowns since Second World War” by Steve Bandera, March 26, 2021, <https://www.ctvnews.ca/w5/exclusive-w5-finds-more-than-2k-civilians-killed-in-airplane-shootdowns-since-second-world-war-1.5362523>

вать все карты заранее, могут лишь сказать, что факты присутствия продуктов советского и российского военторга очерчивают границы тех самых зон, где погибали обычные граждане, ни о чем не подозревая, летевшие гражданскими бортами в разные точки света. Проводя исследование для документального проекта, я обнаружил отчеты о 2127 жертвах (это минимальные оценки), погибших в 50 авиакатастрофах со времен Второй мировой. 485 из этих жертв погибли в катастрофах самолетов, сбитых военными бортами, 365 (75,3% из них) — результат атак советских истребителей в период с 1947-го по 1989 год. Таким образом, начиная с портативных ракет ПЗРК типа «Стрела» и до комплексных систем «Бук», советско-российское оружие унесло жизни 1005 человек, став причиной по меньшей мере 61,2% всех жертв среди гражданских от систем ПВО, со времен Второй мировой.

Среди таких жертв — пассажиры рейса 1812 авиакомпании «Сибирь», сбитого ракетой С-200 (предшественницей пресловутых С-300, которые вы встретите в этой книге) в Крыму в те самые дни, когда президент Украины Леонид Кучма наблюдал, как его военные демонстрируют мастерство ракетчиков на Черном море. Это было в 2001 году, чуть больше года спустя после убийства Гонгадзе. Если в тот раз именно украинские военные оказались виновниками трагедии, то Украина оказалась уже невольным местом преступления в 2014-м, когда рейс МН-17 был сбит российским «Буком», унеся жизни всех 298 человек на борту.

В списке трагедий, совершенных при участии советско-российских ПВО, и катастрофа 1994 года, унесшая жизни двенадцати человек, включая президентов Руанды и Бурунди, спровоцировавшая убийство сотен тысяч людей во время геноцида в Руанде.

Украина была пунктом назначения недавнего рейса PS 752, когда украинская авиакомпания решила поднимать борт из Тегерана через несколько часов после того, как тамошние вооруженные силы нанесли ракетный удар по американской базе в Ираке. Тогда установка «Тор» российского производства выпустила две ракеты, что унесло жизни 176 человек.

Несмотря на свой смертоносный послужной список, новейшие модели «Бук» и «Тор» демонстрировались на параде на Красной площади в Москве во время празднования дня победы в 2020 году, всего через полгода после вышеописанной трагедии. «И ты тоже можешь распространять несчастье, как и Москва!» — как бы говорит этот парад всем тем, кто готов покупать российское вооружение.

Список, начатый выше, содержит и трагедию рейса номер 902 авиакомпании «Аэрофлот» над Красноярском в 1962 году, когда 84 человека были убиты ракетой, запущенной во время очередных советских учений. Следы замечались, но расследование, проводимое неким Владимиром Зеленским, (не нашим современником, но тогдашним замначальника конструкторского

бюро им. С. Туполева), установило, что взрыву внутри корпуса воздушного судна предшествовало проникновение сквозь обшивку постороннего предмета. Правда в конце концов выплыла на поверхность.

Сюда же стоит отнести и катастрофы с двумя гражданскими рейсами в Грузии, когда с разницей в один день в сентябре 1993 года 135 человек были убиты «абхазскими повстанцами» по пути в Сухуми. С последними вы также столкнетесь на страницах этой книги.

Короче говоря, большая часть бессмысленных смертей, катастроф абсолютно антропогенного характера при крушении бортов гражданской авиации после окончания Второй мировой была вызвана ракетами ПВО советского и российского производства. Значение факта присутствия пусковых установок, купленных правительствами ваших стран в «советском военторге», раскрывается на страницах этого повествования.

Путешествие сквозь время и пространство, которое читатель начинает в эти минуты, разделено на 22 «зоны». Те, в свою очередь, сплетены из цепочек событий, связывающих места и моменты этой документальной повести, точной в своей свидетельской части и более общей в реконструкции событий, отдаленных во времени. Это — документальная сага, длиной в несколько десятилетий: от возвращения домой деда автора, Кирилла Бобровникова, из Германии 1945 года и до кульминации повествования в момент отъезда самого автора в Германию зимой 2016-го. Грустная реальность состоит в том, что такой текст мог быть написан лишь человеком, покинувшим свой дом, оказавшемся вне зоны досягаемости «серой зоны», уже продемонстрировавшей способность убивать тех, кто расследует ее.

Прежде чем быть вовлеченным в автобиографическую часть книги, читатель проведет какое-то время на лесоповалах ГУЛАГа в 1970-е, на кромке пустыни Сахара и в сердце «свободной зоны» сахрави — еще одной «серой зоны».

Затем повествование забросит его в Киев времен чернобыльской катастрофы. В 1992 году он впервые окажется в Грузии: в стране, куда эта история будет приводить его неоднократно в 2008-м, 2015-м и 2018-м гг. Именно Сакартвело даст самому автору вдохновение и приют. Грузия сослужит в этом повествовании и другую службу, показав примеры создания «серых зон» в Абхазии и Южной Осетии. Логика таких зон поможет нам понять Ливан образца 2003 года, сделав несколько остановок в Беларуси на своем пути...

Бобровников окажется в Грузии в те самые дни, когда Россия развернет там военную кампанию 2008 года. Первый опыт военного корреспондента автор приобрел именно в те дни; за годы до того, как война поразит саму Украину.

Большая часть книги посвящена событиям, развернувшимся после Майдана 2014 года. Автор оказался в Крыму 27 февраля, в первую неделю российской операции по возвращению Крыма в свое лоно. Бобровников провел несколько

недель в Симферополе, Чонгаре, Евпатории, Бахчисарае и Севастополе. После начала российского вторжения на востоке страны он исколесил вдоль и поперек линию фронтов (Дебальцево, Мариуполь, Славянск, Краматорск), чтобы добраться в конце концов до городка Счастье Луганской области. Там он отсчитывал последние секунды до начала нового, 2015-го года, не подозревая еще о грядущей серии убийств, которые случатся здесь же, в «сердце тьмы» «серой зоны». Дорога в Счастье формирует хребет этой истории, становится ее главным связующим звеном. По одной из таких счастливых дорог автор будет ехать в компании Андрея Галущенко за двое суток до бесцеремонной расправы с последним.

Читатель этих строк побывает и на самом Западе страны, в краях, что лежат по разные стороны пиков Карпатских гор, — в Ивано-Франковске, Ужгороде, Мукачево. Там, уже на противоположной границе, он задастся вопросом: не поглотила ли «серая зона» всю страну, от Запада до ее Востока? Читатель проведет несколько недель, залегая на дне в порту Одессы, в ожидании, что Черное море вынесет на берег ответ на множество сброшенных им в море «писем в бутылке».

Основная часть истории развернется в Киеве, городе, где автор романа появился на свет, вырос в босяцком квартале и прожил полную приключений жизнь, сделав успешную карьеру в журналистике. Вы узнаете о семье Бобровниковых, чьи корни и само происхождение их имени связано с плотинами, что строили бобры в притоках Днепра. Тут дед главного героя научит его жить и любить, и в этой книге много аппетита и влечения; интимной документалистики писем и медитаций, которые автор включил в свои собственные «польові дослідження українського сексу».

Мы спустимся в подвалы киевской богемы, окажемся в сердце Майдана 2013 года, в ньюсруме одного из крупнейших украинских медиа. Именно там и начнет разворачиваться эта история. Как же мало знали те, кто запугивал Бобровникова, о журналистский «чуйке» и о том, что профдеформация нашей работы сродни детскому любопытству: чем чаще твердишь «не суйся!», тем больше разогреваешь ребяческий интерес. Именно потому, невзирая на семь угроз и три расправы (по меньшей мере три), вы и читаете эту книгу.

«Всеу свое время и время всякой вещи под небом», как писал классик, и эта книга выходит в свет в тот момент, когда история, рассказанная в ней, еще не завершена. Я пишу эти строки в конце июля 2021 года, за неделю до начала августа, излюбленного времени Москвы для начала военных действий на постсоветском пространстве, где она пытается установить гегемонию собственной «серой зоны».

Правда об убийствах, которые расследует автор — расправах над Андреем Галущенко, Дмитрием Жаруком и Владимиром Кияном на Луганщине 2-го и 3-го сентября 2015 года, — все еще покрыта завесой тайны. Автор этого тома

собрал все факты и свидетельства, доступные ему, чтобы завершить собственное редакционное задание, которое совпало с миссией Андрея Галущенко; довести до конца дело, начатое ими обоими, но унаследованное одним: добиться правосудия в деле о трех убийствах, случившихся в разгар расследования. Время этого правосудия придет, но когда — предугадать невозможно. Постсоветская история Украины, увы, полна таких ребусов. Начиная от правды о пленках Мельниченко и их роли в убийстве Гонгадзе до множества других подозрительных, нераскрытых смертей политиков, журналистов и гражданских активистов. Каждое усилие, направленное на раскрытие подобных дел, заслуживает искренней поддержки, потому что именно от правосудия в таких делах и зависит истинный смысл фразы: «Украина — не Россия»

Не то чтобы я был русофобом. Я ничего не имею против русского языка. Более того, мне очень нравится русский язык в исполнении Бобровникова. Он понятен мне, даже больше: это образчик литературы. Я учил этот язык мимовольно, живя в Киеве в конце 90-х и начале 00-х. Мимовольно, потому что не представляю тех лет без, к примеру, Портникова, Рахманина и Мостовой на страницах в то время еще сугубо русскоязычной газеты «Зеркало недели». С другой стороны, не зная русского языка, нельзя было бы оценить и вред, нанесенный теленовостями на русском языке, теми засорителями ноосферы враньем на национальном уровне (золотая эпоха телеканала «Интер»), а в региональных СМИ — «Фактами» и подобными им вечерними и бульварными изданиями, агентами влияния на украинский социум и политикум старых и новых чекистов.

Впрочем, и борьба с ними велась и ведется на русском языке в то время, когда языковой вопрос превращается в оружие схватки этой сиюминутно-перманентной гибридной войны чекистов против Украины начиная с 2000 года. Есть тексты, как этот, что вы держите сейчас в руках, которые не могли бы быть написаны на другом языке как по смыслу, так и по стилю. Это — русский язык в исконном и естественном исполнении одного из наиболее коренных киевлян, с которыми мне посчастливилось познакомиться за десятилетие моей жизни в столице независимой Украины. Если русскоязычные идут защищать украинскую державу, то и ей впору стать на их защиту, сохранить украинский русский язык, хотя бы для того, чтоб показать: русский здесь не только не преследуется, но существует и процветает, будучи вольным и независимым, без чекистской «опеки». Читайте и убедитесь в этом сами!

Стефан Бандера

24.VII.2021

Зона 1

Предчувствие

Июль 2015

Киев

Таракан

— У тебя таракан на подушке, — сказала Даша. — Я не буду здесь ночевать.

Там действительно был таракан. Ключевое слово для меня «был», для нее же — фигура этого чертового таракана на подушке в моей спальне; таракана, который не мог просто так оказаться там. Известно, что эти существа редко приходят одни, а значит он или его собрат (жена, сын, племянник, внук — я не был дома несколько месяцев и пропустил момент вторжения гостя и, следовательно, не мог судить о масштабах расплодившегося клана) может вернуться в любой момент, в том числе — в самый неподходящий.

Фраза «успокойся, я закрою их на кухне», сказанная с ироничным смешком, не подействовала.

Она помахала мне ручкой и села в спешно вызванное такси.

— Чао, — обронила она с порога.

В тот вечер я пошел курить кальян и писать что-то, отложенное на потом.

Только письменный текст был всегда моим незаменимым помощником и главным оружием. Против тараканов в том числе.

«Чао» в смысле «привет»? Или в смысле «пока»?

Впрочем, психология женщины — тема отдельных книг, которые напишет кто-то другой.

Мне хотелось бы нарисовать этого таракана сейчас, чтобы читатель мог представить себе всю гротескность ситуации, однако сделать документально достоверный портрет именно этой особи уже не представляется возможным. Таракан лежал на матовом, порядком истертом полу моей спальни, когда неумолимая подошва мокасины с хрустом превратила его в белую молочную кашу с трепыхающимися в агонии ножками и усами.

Если верить законам буддизма, может быть, эта — первая в цепочке смертей, которая привела целую группу людей к концу их жизненного пути, смене не только места проживания, но даже часового пояса и, в некотором роде, к изменению условий жизни для целой популяции — именно эта смерть повлекла за собой все остальные?

Таракан, испортивший секс одному журналисту и одной красотке; таракан, получивший доступ к комфортному ареалу обитания, стал, в некотором роде, предвестником всего, что произошло впоследствии.

Придет время, и я захочу застрелить ее, вместе со всеми ее тараканами.

В первый и последний раз в моей жизни мысль убить человека проступит так же явственно, как впоследствии другая, не менее явственная мысль — закончить самому все эти истории разом и испариться, как роса на июльском солнце: незаметно и без следа.

Но и первая, и последующая мысли проступят много позже и совсем при других обстоятельствах — так, как я и представить себе не мог в тот жаркий июльский день, когда, перед тем как отправиться ко мне в гости, мы бродили по городу, выбирая подарок на крестины дочери моего друга.

Спустя неделю я должен был стать крестным отцом и, автоматически, частью одного из кланов кавказских горцев, у которых титул «крестного» означает не просто символ, а кровное родство на семь поколений вперед.

В тот летний вечер мы смеялись, пили вино и оказались у меня дома, где вместо обычных подушек лежали тюки из турецких ковров, набитые старыми джинсами. Я только недавно вернулся в свою киевскую берлогу и начал приводить ее в порядок как раз для подобной оказии: новой жизни у себя дома.

Однако вместо того, чтобы заняться сексом с возлюбленной, я занялся разработкой темы, о которой очень скоро узнаю достаточно, чтобы самому стать токсичным, как целая колония насекомых.

Июль 2015 года

Я навсегда запомню этот месяц именно таким: ассистентша президента одной дерзкой финансово-промышленной группировки, с которой мы говорим о чем угодно, кроме ее работы; турецкие ковры, вместо подушек, в моем старом холостяцком флэте; моя последняя мирная поездка в Грузию на крестины дочери друга и мой последний роман с женщиной, прерванный чем угодно, только не убийством или войной, а чертовым насекомым на подушке, всех родственников которого я истреблю спустя несколько дней.

Лето 2015 года стало моим последним спокойным и беззаботным сезоном в городе, где я родился и где моя семья смогла пережить всё — от переворота большевиков в 1917-м до сталинских репрессий и фашистской оккупации. Все, что угодно, кроме сентября 2015 года, до которого оставались считанные недели.

Современные бутлегеры

Старый подвал, бывший когда-то то ли складом книжного магазина, то ли просто складом, превратился в камерный ресторанчик, открывавшийся на стук; ресторанчик, закрытый все дни, кроме среды и субботы...

Это был самый обыкновенный бутлегерский салон, с той лишь разницей, что сухого закона в стране не было и нет: не более чем забава одного контрабандиста дорогого алкоголя и нескольких его доверенных лиц — в целом симпатичных ребят, настроенных, кстати, весьма патриотично.

Ощетинившись украинскими флагами и тостами за упокой кремлевского вождя, вооружившись до зубов охотничьими ружьями чешского производства (легальный импорт) и выпивая в закрытом маленьком speak-easy беспощинно ввезенный скотч; уходя от налогов во всем и где возможно, но при этом жертвуя сэкономленные деньги в волонтерские фонды, — они помогали фронту.

Это маленький, но один из ярких примеров того, как жители Киева всегда ставили независимость превыше всего: независимость от государства, которому они не доверяют, и правил игры, в эффективность и справедливость которых не верят.

Создание квазигосударственных органов медицинского и имущественного страхования и касс взаимопомощи; вооружение собственных милиций и отрядов самообороны; построение эрзац-правительственных структур, коротко говоря — махновщина, существующая при полной дискредитации государственных институтов.

Так строилась вторая украинская республика посреди войны и оккупации, последовавшей за новой попыткой Российской империи вернуть свои непокорные и независимые провинции.

Виновна ли система, созданная за десятилетия до нас, или виновны мы сами в том, что государство, которое мы все пытались защитить, оказалось в «серой зоне» на границах последней тоталитарной империи Европы?

Что было раньше: курица или яйцо?

Это риторические вопросы, которые десятилетия спустя будут занимать ученых-теоретиков «серых зон», исследующих их подъемы и падения. Я же — лишь свидетель и соучастник событий тех лет, взявший на себя смелость рассказать свою историю.

Итак, мы сами, с группой моих коллег и добрых приятелей из числа завсегдаев одного неприметного speak-easy в центре Киева, сформировали некое подобие первичной ячейки самообороны, с целью отразить выступление на улицах нашего города пророссийских боевиков, к тому времени уже оккупировавших Крым и управлявших бунтами на улицах Донецка, Луганска, Харькова и Одессы.

Мы, киевляне, — вооружены легальным оружием и, скорее, говорливы, чем опасны. Но, тем не менее, мы — существуем и, ошестинившись усами, бо-родами, стволами и патронташами, как мушкетеры Александра Дюма, пируем на руинах форта Ла-Рошели, дразня самим своим присутствием вражескую сторону, решившую выбить нас из нашего родового гнезда.

Несколько провинций и городов нам предстояло потерять, некоторые из них — как, например, Харьков, Днепропетровск и Одесса — сопротивлялись активнее, чем ожидалось. Каждую минуту, каждый час жители Киева ждали чего-то подобного и на собственных улицах.

Мы — украинцы, евреи, татары, немцы, русские, галичане. Полуполяки, полумоскалы, смесь из смесей — как сам Киев, лежавший всю свою историю на путях пересечения интересов Византийской империи, Московского царства и Золотой Орды, кровосмешением и хитростью добывавшийся мира на своей земле и терявший его в ту самую минуту, когда кто-то из авантюристов Востока или Запада начинал идти походом на Европу или, напротив, на Москву, проходя через наши пашни, леса и рудники. Мы же — выжившие в этой многовековой мясорубке — были еще достаточно молоды, чтобы сопротивляться, и достаточно уже стары, чтобы делать это с иронией.

Легальный торговец оружием, к которому многие из нас пришли за своими первыми стволами, с лучами весеннего солнышка пересел в тот год со старого седана на новый, дорогой внедорожник.

Родственник одного из крупных украинских политиков, впоследствии баллотировавшегося в президенты и имевшего прямое отношение к украинскому оборонному бизнесу, еще несколькими неделями ранее предлагал мне купить с военной базы новенький, в масле, пистолет системы Токарева — без серийного номера и какой-либо истории, и запас боеприпасов к нему. Я отказался от сделки, ставя свою принадлежность к касте журналистов выше необходимости получить оружие самообороны на случай городской войны: как показало время, это было уместное решение.

Количество легальных стволов, проданных в том году в Киеве, впечатляет: по данным моего оружейного дилера, у которого я приобрел чешский карабин под патрон 7.62x39 (самый ходовой в этой части света боеприпас), только за первый год войны, вспыхнувшей на востоке, киевский рынок проглотил около 100 тысяч импортных и отечественных легальных стволов: от чешских или американских карабинов до конверсионных, лишенных возможности стрельбы очередями (эта функция легко подлежала восстановлению) автоматов Калашникова.

Вот чем жил Киев в первые месяцы войны.

Между своими путешествиями на фронт я часто останавливался в маленькой таверне типа *speak-easy*, где собирался весьма забавный контингент.

— Наш бармен когда-то влюбился в девчонку, с которой я приходил. Армянская девушка, дочь местного посла. Он потом искал ее среди всех моих друзей, но так и не нашел в фейсбуке.

— Ты второй раз в этом кабаке рассказываешь одну и ту же историю. Зачем?

— Эта история гложет мое самолюбие и укрепляет самооценку перед новыми вызовами судьбы.

— Слепое и похотливое существо, как называл тебя наш покойный друг. Слепа та хтива потвора!

— Ага, наш покойный друг, пытавшийся отбить у меня мою бывшую жену, рассказывая ей о том, что я никогда не храню верность женщинам, не понимая, бедняга, что ей только того и нужно было...

— Вуайерист.

— Масон.

— Придира.

— Распутник.

— Пиз...оградатель.

— Фу

— Шо фу?

— Ага.

— Да ладно!

— Так, девочки! Не ссорьтесь! — вмешался в разговор наш бородатый приятель — среднего роста, коренастый, дьявольски талантливый фотограф, некогда сменивший творческую карьеру на бутлегерский салон и оставшийся в нем, похоже, навечно, как капитан Ахаб на борту своего корабля или, еще точнее, как костяная нога Ахаба, нашедшая свой паз, свою лунку на капитанском мостике.

— Девочки не ссорятся, дядюшка Кирилл, они чистят друг другу перышки.

— Я все вижу, я же опытная бля...ь.

Мы все хохочем: перепалка удалась.

Девчонка с волчьими глазами, похожими на глаза Дэвида Боуи, и заразительным смехом тоже была там. Когда я глядел на нее, меня не оставляло ощущение безальтернативности происходящего.

Или я сейчас путаю времена, и она появилась позже, уже на самом пороге событий, которым посвящена эта книга?

Впрочем, когда именно она появилась там, или когда именно я ее заметил — не так важно для этой истории. В сущности, она всегда была там, как один из элементов той части жизни, к которой я привык. Квинтэссенцией любого места, явления, события; первопричиной каждой страсти и привязанности всегда бывает первый импульс, возникающий из ниоткуда, но составляющий нас вновь и вновь смешивать искомые элементы.

Огонь и воздух. Серу и ртуть.

Это старое доброе слово «квинтэссенция», незаслуженно затерявшееся среди похожих слов, лишившееся своего первичного, магического значения, в котором «квинтэссенция» как раз и была тем самым эфиром, выжимкой всех природных элементов, их экстрактом, пятым элементом, так же, как «мистическая свадьба неуправляемой ртути» — согласно поверьям алхимиков — духа всех металлов и яростной энергии серы, — должна была привести к созданию философского камня.

— Я придерживаюсь левых взглядов, — прозвучал ее голос за соседним столиком.

Не принадлежа к правому лагерю, я, однако, почувствовал немедленную потребность нейтрализовать эти ядовитые пары, исходившие от женщины с заразительным смехом.

— Надеюсь, вы не собираетесь получать паспорт ДНР в связи с этим? Вы все еще можете быть полезны здесь, — нашелся повод заговорить с этой женщиной.

— Полезной здесь? — улыбнулась она. — Полезной вам?

— Да, я не исключаю, что мне может быть нужно от вас гораздо больше, чем то, что от вас обычно бывает нужно! — Мой ответ прозвучал нарочито серьезно, сколь и шутливо. — Но не уверен, что этот разговор стоит вести при свидетелях, — сказал я, приглашая ее на танец.

Девушка с холодными глазами протянула мне руку.

Вечеринка бутлегеров была в самом разгаре, и я еще представить себе не мог, как далеко она заведет.

Подарок на крещение

Спустя несколько месяцев (выбравшись из прокуренного зимнего кабака под июльское солнышко) мы с моей новой подругой поднимались вверх по улице Михайловской. Длинная улица с множеством маленьких кафе и ресторанчиков, ютившихся в подвалах и на первых этажах старинных особняков досоветской эпохи.

Полтора годами ранее по крутому Михайловскому спуску несли вверх, к собору, тела погибших в последние две ночи февральской революции 2014 года.

Теперь только обугленная бетонная коробка Дома профсоюзов напоминала о событиях тех дней.

Мы медленно шагали вверх по улице, встречая знакомых, перемигиваясь с некоторыми и делая вид, что не замечаем других.

— Поехали все-таки к морю!

— Я должна для этого взять отпуск хотя бы на три дня, плюс выходные.

— То есть ты не полетишь со мной в Грузию?

— Точно не в этот раз. Ты же едешь недели на две, не меньше! А я смогу вырваться максимум дней на пять, если угадаю с праздниками и выходными у шефа...

Мы бродили по городу и думали про наступающий август. Что можно успеть за три коротких дня отпуска?

Да, это точно будет Одесса, что же еще, если не она?

Одесса была спасательным кругом и островом сокровищ — последним пристанищем для людей, чей отпуск измеряется считаными днями, не готовых превращать их в испытание джетлагами, сменами языков и климатических зон. Одесса — это любимый ресторанчик по соседству, ресторанчик у самой кромки воды, где персонал говорит с тобой на одном языке, но с ярко выраженным акцентом, сквозящим даже не в оттенке произношения, а в юморе, вкладываемом в каждую, даже незначительную ремарку.

Например, подходишь на вокзале в Одессе к торговке сигаретами и семечками, возле которой стоит пыльный кофейный автомат.

— Скажите, машина работает? — спрашиваешь у нее.

— Нет, она еще учится! — не задумываясь ни на секунду, не отвлекаясь от своих дел и даже не делая вид, что шутит, отвечает торговка.

Вот что такое Одесса.

Там, в этом городе на побережье, все так же чувствуя себя дома, ты переносишься сразу на несколько градусов широты южнее, к не замороженным, а живым деликатесам, только что бившим хвостами и плавниками в соленой воде, по которой пролегает естественная граница между Европой и Азией.

Мы планировали наш августовский отпуск, прогуливаясь по Киеву, выбирая подарок для моей будущей крестницы.

Это был длинный вечер с золотистым закатом, заливистым смехом и вкусной едой; вечер прогулок, нежностей и разговоров о будущих совместных приключениях с привкусом меда и пахлавы под звуки гитарного «каприччо».

Таким в точности был этот июльский вечер 2015 года, по крайней мере таким его я запомнил.

Мы обходили один за другим маленькие ювелирные магазинчики в центре города, перебирая детские украшения и выбирая что-то не слишком ортодоксальное (этого и так хватает в Грузии), не откровенно католическое (местный мамао¹ не поймет) и в то же время достаточно элегантное для грузинской принцессы.

— Вот он! — воскликнула Даша.

Это и вправду был он.

Я не умел выбирать украшения так, как это делала она.

Но это действительно был он — тонкий, изящный, выглядевший дорого, но ни в коем случае не тяжело; крестик был изысканный, подходящий как ребенку, так и молодой женщине (ведь кричащий слюнявый полугодовалый

сверток довольно скоро превратится в молодую женщину, которой это украшение и предстоит носить).

Сработанный тонко и воздушно, без традиционных и порядком приевшихся орнаментов, из желтого и белого золота, он был именно тем, что нужно.

Я вертел между указательным и большим пальцем руки кусочек металла.

— Берем! — выпалил я.

Моя спутница улыбнулась: — Ты же всегда хотел дочку. Теперь у тебя будет дочь...

Сплетницы и сплетники

Город очень тесен, когда живешь в нем десятилетиями, взрослеешь в нем, разводишься и женишься, меняешь места и маршруты, возвращаешься и уходишь снова; особенно же тесен любой город, когда ты начинаешь встречаться с красивой женщиной, и вы неожиданно начинаете позволять себе смеяться над теми, кто, на ваш взгляд, менее красив, менее самоуверен и дерзок.

Дерзость — оружие тех, кто исполняет жюст² на рыцарском турнире, но если дерзость хороша в жюсте, где схватка происходит у всех на глазах, то истинные дворцовые интриги всегда ведутся другим оружием и совсем по другим законам.

— Я бы не хотела, чтобы все знали, что нам хорошо.

— Я тоже не уверен, что всем этим троллям необходима эта информация. Мне кажется, тебе нужно почаще вырываться из этого твоего отеля «Калифорния», — добавил я.

— Зачем? — спросила она.

— Разве тебе не может быть хорошо отдельно от них? — спросил я.

— Мне не бывает хорошо отдельно от людей.

Мужчины, как и женщины, — жутчайшие сплетники, во многом куда более изощренные в силу своего нелегального положения на этом фронте.

Характер сплетника присущ всякому возрасту — лежит каплуном в пузе судьи и топит печку влюбленного, распаленного страстью.

В каждом шекспировском «веке мужчины» живет такой сплетник, его внутреннее старушечье эго, сидящее у черного входа дома и треплющееся о том, кто вошел через дверь, а кто пробрался через заколоченное окно.

Таков каждый мужчина и каждая женщина, но если женская сплетня не ищет повода спрятаться за фасад приличий, то мужская ищет любого оправдания своего существования; существования на нелегальных правах. Мужские пересуды — как заговор меньшинства перед лицом целого авторитарного царства, где признанные владычицы — женщины. Если мужские клубы сплетников — это подпольные кружки выживания, вынужденные скрываться от посторонних глаз и плести свои интриги, прикрываясь истертым

и потрескавшимся фасадом мужественности и воинственности средневекового рыцарства, то женские кланы — это истинные царства отравленной иглы!

Итак, вопреки всей недооцененной мощи мужского мастерства пересудов, никто и ничто не может состязаться в этом искусстве с женщиной.

Самое же поразительное в мастерстве женской сплетни — умение использовать фронтную атаку и штыковой бой наравне с тонко спрятанными тыловыми маневрами в гибридной военной кампании информационных атак. Именно эта война — война сплетен — скоро предстоит нашему мимолетному союзу.

Таракан будет в ней лишь поводом; маленьким, но верным предлогом к настоящей войне.

* * *

— Что у тебя общего с этой шлюхой? — спросила моя давняя приятельница несколько дней спустя, когда о нашем флирте пронюхал город.

Подобный вопрос — один из самых ярких выпадов одной примы против другой. Я совершенно не ожидал такой лобовой атаки.

«Сколько ярости в этой женщине. Интересно, сколько бойфрендов у нее из-под носа увела Даша?» — подумал я с некоторой гордостью.

— Считаю, что мы играем в одном музыкальном коллективе! — незамедлительно ответил я, улыбнувшись и подмигнув моей подруге-сплетнице так, что мой ответ не оставлял сомнений в толщине моей брони и, следовательно, бесполезности дальнейших выпадов.

Женщины, которых ненавидят другие женщины, — моя главная слабость.

Отпазанчивание зайца

Как это все началось? У кого-то начинается с первого взгляда, а у тех, кто работает с текстами, взгляд всегда дополняется словом. Причем словом настолько непечатным, что его обычно не встретишь в бытовой речи.

— Ты же знаешь, что такое отпазанчивание³ зайца? — сказала она.

Вот это было то самое, из ее запаса подобных слов.

К каждому из нас есть слово-пароль, идеально совпадающее по форме и сути с каким-то из гормонов счастья. (Так же, как молекула ЛСД совпадает с молекулой серотонина, идеально встраиваясь в конкретные пазлы мозга, которые ждут именно эту подачку.)

У каждого есть такие дыры в мозгу: у меня, у вас. И дело тут не в гендерных предрассудках или сексуальных играх. Это шарм совсем другого порядка, как и эффект самых мощных психоделиков, начинающийся с триггера, который включает в вас первые, детские воспоминания, активизирует те зоны мозга, где эти воспоминания хранятся вместе с памятью о первых запахах, что мы помним с детства; первых словах, услышанных в самые неосознанные, самые чуткие до уроков годы.

— Мы не пиезанты, сын. Мы — охотники, — говаривал мой дед, называвший меня сыном, потому что должен же он был передать кому-то знания из той, уже канувшей в Лету, унесенной ветром эпохи, где мы, бывшие охотники на бобров (фамилия Бобровников означает как раз это), превратились во влиятельный клан, владевший землями и лесами вокруг Киева; землями, бывшими когда-то нашими охотничьими угодьями.

— Мы охотники, а не пиезанты, — это выражение из одного ряда со словом «отпазанчивание», и я проглотил этот крючок, сразу же застрявший где-то в пищеводе и на много месяцев лишивший меня возможности спокойно глотать пищу.

И еще одно.

Даша Юсупова⁴ великолепно говорила по-русски.

Слово «отпазанчивание», оброненное ею в финальный момент битвы, как кассетный боеприпас на головы повстанцев, окопавшихся где-то в горах и не ждавших такой мощной артподготовки, — и предредило итог сражения.

Мы оба были из хороших фамилий, уничтоженных советской оккупацией: семей, от чьего былого величия остались фамильные имена, напоминающие о подвигах, прозрениях и злодеяниях предков, недюжинные амбиции, пустые кошельки и знание некоторых слов, неприсущих лексикону обыкновенных homo sovieticus.

Так, в очень общих чертах, я мог бы нарисовать портрет девушки, роман с которой, в некоторой степени, определил дальнейший ход событий.

Вероятно, если бы не она, я не собрал бы вещи и не уехал на фронт в конце августа 2015 года, чтобы быть подальше от Киева, не думать о неудачной охоте на этого диковинного зверя и углубиться, насколько возможно, в историю «серой зоны», о существовании которой имел на тот момент весьма отдаленное представление.

Июль 2015

Киев

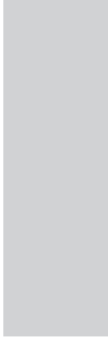
Город в тылу

Мы пили вино в баре, принадлежавшем нашей общей знакомой.

Там звучало что-то из Сеговии или что-то более современное? Может быть, это я сам принес в бар мой любимый диск с гитарным трио, игравшем во Фриско еще в те времена, когда сам я был кричащим свертком, подобным ребенку, подарок которому мы выбирали в тот день.

Был вечер из тех, которые продолжают играть солнечными зайчиками и щипать за все твои струны, как «Capricho Arabe» или «Mediterranean Sundance».

Уже глубоким вечером мы допивали бокал вина в маленьком винном баре, приютившемся в одной из подворотен Михайловского спуска.

Содержание

Предисловие	4
Зона 1. Предчувствие	12
Зона 2. Погружение	45
Зона 3. Бой вслепую	71
Зона 4. Полет над гнездом	107
Зона 5. Земля-Воздух	132
Зона 6. Абхазское дежавю	156
Зона 7. Правила игры	182
Зона 8. Банковская тайна	209
Зона 9. Безумный бог	247
Зона 10. Улица «Дружбы Народов»	287
Зона 11. Агент «Моль»	310
Сноски и комментарии	337